

С. Глаголев

Из чтений о религии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С11

С11 **С. Глаголев**
Из чтений о религии / С. Глаголев – М.: Книга по Требованию, 2015. – 439 с.

ISBN 978-5-458-56472-4

ISBN 978-5-458-56472-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

РЕЛИГИЯ,

какъ основа жизни.

Чѣмъ держится человѣческая жизнь и чѣмъ должна держаться?

Человѣкъ есть организмъ. Характеристическимъ признакомъ организма является то, что онъ стремится уподоблять себѣ окружающую среду. Неорганическая природа не имѣетъ стремлений, камень всецѣло подчиняется внѣшнимъ вліяніямъ—тяжести, температурѣ, метеорологическимъ факторамъ, наконецъ, человѣческой силѣ. Организму всегда присуща спонтанность (самопроизвольность). Подчиненный внѣшнимъ вліяніямъ, прикованный къ средѣ, онъ непремѣнно самъ воздѣйствуетъ на эту среду, можно сказать, что организмъ стремится подчинить среду себѣ, превратить ее въ себя. Какое-нибудь жалкое и неприглядное растеніе, пріютившееся гдѣ-нибудь въ мусорѣ, стремится воду, воздухъ, соли земли превратить въ свои ткани и далѣе въ ткани своего потомства. Но этотъ процессъ принятія въ себя внѣшнихъ веществъ и уподобленіе ихъ себѣ въ организмахъ растительныхъ совершается по законамъ необходимости. Механическіе факторы управляютъ растительною жизнію, и еслибы даже оказались правы сторонники воззрѣнія, что существуютъ особые законы органической жизни, поднимающіеся надъ законами физическими и химическими, во всякомъ случаѣ эти законы должны быть законами природы, дѣйствующими по началамъ необходимости. Но надъ растительнымъ міромъ поднимается міръ животный. Животныя, какъ и растенія, посредствомъ питанія увеличивая свой ростъ и размножаясь, стремятся уподоблять себѣ среду. Но ихъ отношенія къ средѣ несравненно болѣе сложны. Они неравнодушны, какъ растенія, къ своимъ взаимоотношеніямъ съ средою, имъ одно пріятно, другое—нѣтъ, они обладаютъ способностію бросать непріятное и уклоняться отъ него а искать пріятнаго. Ихъ отношенія къ средѣ не носятъ характера безусловной необходимости, они реагируютъ на среду сообразно съ субъективными чувствами удовольствія и не-

удовольствія. Разъ у животныхъ существуютъ чувства пріятнаго и непріятнаго, то повидимому ихъ жизнь должна бы была всецѣло управляться принципомъ пріятнаго. Но оказывается, что это не совсѣмъ такъ. Жизнью животныхъ, какъ и растений, заправляетъ еще принципъ, побуждающій ихъ стремиться къ сохраненію и продолженію рода. Въ своей дѣятельности животныя проявляютъ много безсознательной цѣлесообразности. Нельзя думать, чтобы они сознательно заботились о благополучіи своего потомства, но ихъ дѣятельность часто служитъ этой цѣли. Говорятъ, что въ такихъ случаяхъ они дѣйствуютъ по инстинкту — способности безсознательно производить спеціальныя (не всякія) цѣлесообразныя дѣйствія. Надъ животными поднимается человекъ. Въ немъ происходятъ всѣ растительныя процессы, какъ въ растеніяхъ, онъ обладаетъ способностями, имѣющимися у животныхъ, ему присущи инстинкты, но сверхъ всего этого онъ имѣетъ разумъ, сознание. Человекъ считаетъ себя личностію, называетъ себя „Я“ и противопоставляетъ себя окружающей средѣ.—онъ дѣйствуетъ сознательно и сознательно воспринимаетъ воздѣйствія среды. Какъ и растенія и животныя, онъ подчиненъ средѣ, подчиненъ физическимъ законамъ, но если уже животными, кромѣ физическихъ законовъ, руководятъ еще чувства и инстинкты, то имъ руководитъ еще разумъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о физическихъ основахъ жизни, постараемся разсмотрѣть; на какихъ основахъ духовныхъ строится эта жизнь.

Что начертываетъ и опредѣляетъ путь жизни каждаго отдѣльнаго человека?

Прежде всего этотъ путь опредѣляется традиціей, преданіемъ. Родился человекъ, съ нимъ и надъ нимъ совершаются дѣйствія и обряды, которые совершались съ его родителями, ближними и знакомыми. Его питаютъ той пищею, которой питали другихъ дѣтей, его учатъ связывать съ тѣми или иными звуками тѣ представленія, которыя съ этими звуками связываютъ другіе. Все нужное готовятъ ему заранѣе. Для жизни младенца заранѣе приготовленъ трафаретъ. Его воспитываютъ и учатъ такъ, какъ воспитываютъ и учатъ вообще дѣтей той среды, въ которой онъ родился. Часы сна, игра и самыя игры, часы пищи и пища, все опредѣляется традиціей. Далѣе мальчика отдаютъ въ школу и здѣсь, оказывается, заранѣе установленъ шаблонъ, по которому нужно жить и дѣйствовать. И все послѣдующее опредѣляется предыдущимъ. Разсмотрите человека въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и вы увидите, что громадная часть изъ всего, что онъ скажетъ, сдѣлаетъ, можетъ-быть—даже подумаетъ въ эти часы, опредѣляется традиціей. Человекъ встаетъ. Онъ умывается. Система его умывальника, его приемы умыванья опредѣляются средой, въ ко-

торой онъ живетъ. Онъ молится, онъ произноситъ извѣстные, опредѣленные молитвы по-положенному, онъ пьетъ чай, потому что утромъ у насъ принято пить чай. Когда онъ сидитъ за чайнымъ столомъ, когда онъ держитъ стаканъ или чашку, его манера сидѣть, держать что-либо, пить и ѣсть опредѣляется манерами среды. Отчасти сознательно, а главнымъ образомъ безсознательно жизнь человѣка опредѣляется подражаніемъ. Человѣкъ въ своей жизни подражаетъ тому, какъ живутъ другіе, окружающіе его люди. Это избавляетъ его отъ множества недоумѣній и заботъ. Какъ нужно держать себя при встрѣчѣ съ тѣмъ или другимъ лицомъ, что говорить при свиданіи и разставаніи, все это предрѣшено, установлено. Какъ и какую готовить пищу, во что одѣваться, какъ распредѣлять время, все это рѣшено за насъ другими. Въ каждой націи, въ каждомъ сословіи, въ каждомъ общественномъ классѣ есть свои традиціи. И въ каждомъ классѣ имѣются спеціальныя традиціи, опредѣляющія жизнь въ немъ мужчинъ и женщинъ. Традиція, среда, опредѣляемая традиціей, могутъ совершенно освободить человѣка отъ нужды размышлять самостоятельно, отыскивать новые пути, мучиться недоумѣніями. Человѣкъ безъ горя и сомнѣній можетъ пройти по пути, протоптанному его предками, и ни разу не попытаться свернуть въ сторону, чтобы узнать и испытать, какъ живутъ другіе люди.

Но какъ ни могущественна традиція, она лишь облегчаетъ жизнь, но не даетъ жизни. Традиціонный путь управляетъ движеніемъ человѣка, какъ рѣчное русло управляетъ теченіемъ воды, но вода равнодушна къ тому, куда и какъ она движется, а человѣкъ неравнодушенъ къ тому пути, который проходитъ. Положеніе, на которое толкаетъ человѣка традиція, можетъ ему нравиться или не нравиться. У человѣка существуютъ *влеченія*: одно ему пріятно, другое нѣтъ, и онъ хочетъ владѣть пріятнымъ и бѣжать отъ непріятнаго. Иногда бываетъ и такъ, что традиціонный путь нравится человѣку, но измѣнившіяся обстоятельства жизни заставляютъ его покидать этотъ путь и искать иного. Младшія поколѣнія крестьянъ желали бы оставаться на отцовскихъ земляхъ, питаться отъ земли, какъ питались ихъ отцы. Но дѣтей гораздо больше, чѣмъ ихъ отцовъ, и земля, которая могла прокормить послѣднихъ, не можетъ прокормить первыхъ. Дѣти принуждены покидать отцовскій надѣлъ, покидать традиціонный строй и самостоятельно отыскивать новый путь, хотя и здѣсь немедленно въ руководство имъ являются поучительные прецеденты прошлаго. Но бываетъ иначе. Бываетъ, что все обстоитъ благополучно, традиціонный путь оказывается легкимъ и повидимому пріятнымъ, но въ душѣ человѣка зарождается безпокойный червякъ желаній, жажды новаго.

неизвѣстнаго. Человѣку хочется новыхъ путей, новыхъ ощущеній. Онъ оставляетъ спокойный и уютный очагъ предковъ и пускается въ темную и загадочную неизвѣстность.

Такъ, къ консервативному началу жизни, преданію, присоединяется другое начало — прогрессивное, начало нововведеній. Человѣкъ или доволенъ или недоволенъ тѣмъ, что ему передали, обыкновенно онъ хочетъ большаго, онъ хочетъ расширять переданный ему опытъ, умножать доставшееся ему благосостояніе. Есть изреченіе, утверждающее, что человѣкъ желаетъ только того, что знаетъ (*ignoti nulla cupido*). Это — неправда. Напротивъ, человѣкъ хочетъ новаго, невѣдомаго, неизвѣстнаго. Наличная дѣйствительность не удовлетворяетъ его, установившіяся рамки житейскихъ отношеній кажутся ему тѣсными, онъ хочетъ владѣть и большей свободой, и большими знаніями, и большими силами, чѣмъ имѣетъ. Онъ хочетъ испытывать то, чего еще не испытывалъ. Правда, какъ уже сказано, порою не томленіе по невѣдомымъ благамъ, но суровая необходимость сбиваетъ человѣка съ пути традиціи: континентальнаго жителя заставляеть пускаться въ море, забывъ о страхѣ предъ водной стихіей, охотника превращаетъ въ земледѣльца, земледѣльца, — въ ремесленника. Правда и то, что никакая традиція не можетъ объять все нужное человѣку, не можетъ дать ему неизмѣнныя указанія во всѣхъ случаяхъ и сторонахъ его жизни. При самомъ глубокомъ знаніи опыта предковъ и почтеніи къ этому опыту человѣку приходится порою дѣйствовать не на основаніи этого опыта, а на свой страхъ и рискъ. Но если бы только необходимость заставляла человѣка оставлять проторенный путь и искать новыхъ дорогъ, то это не завело бы его далеко. Онъ приспособлялся бы къ новымъ условіямъ, переѣзжалъ бы растительную пищу на животную или наоборотъ, лазалъ бы по деревьямъ или плавалъ по водѣ, но эта переѣзна привычекъ и образа поведенія не была бы у него ни расширеніемъ кругозора, ни духовнымъ ростомъ. Но дѣло въ томъ, что въ человѣкѣ живетъ неудовлетворенность. Тѣмъ, что онъ имѣетъ и знаетъ, онъ пресыщается и ищетъ новаго. Это желаніе новаго, исканіе неизвѣстнаго и подвигаетъ человѣка впередъ, подвигаетъ, конечно, не всегда. И когда необходимость заставляеть человѣка сходить съ традиціоннаго пути и когда онъ дѣлаеть это свободно, по собственному почину, новыя условія могутъ оказаться неподходящими для него и ему можетъ стать хуже, чѣмъ было, но можетъ онъ оказаться и въ лучшихъ и благоприятнѣйшихъ условіяхъ, и тогда онъ окажется въ положеніи лучшемъ и высшемъ, чѣмъ то, изъ котораго вышелъ.

Все то, что переживаетъ и испытываетъ человѣкъ, доставляетъ

ему или удовольствіе или неудовольствіе, степени того или другого могутъ быть и очень сильными и очень слабыми, но именно ими регулируются дѣйствія челоуѣка, совершаемыя по личной инициативѣ. Нравится челоуѣку строй традиціонный, онъ беззауѣтно подчиняется ему; если его безпокойная натура жаждетъ новаго, онъ оставляетъ путь отцовъ. Повидимому, при вопросѣ о томъ — слѣдовать или нѣтъ своему влеченію къ чему-либо, челоуѣкъ долженъ бы былъ руководиться только, соображеніями экономическаго (понимая это слово въ широкомъ смыслѣ) характера: не слишкомъ ли дорого будетъ стоить удовлетвореніе своего влеченія, — можетъ-быть, за него придется заплатить дорогими привязанностями, лишеніями, трудами, можетъ-быть, въ концѣ концовъ достиженіе желаемаго сомнительно или даже болѣе чѣмъ сомнительно? Но здѣсь мы видимъ, что при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ въ жизни челоуѣка выступаетъ новое начало — сознаніе долга, обязанности. Что-то говоритъ челоуѣку: ты долженъ въ извѣстномъ случаѣ поступить такъ-то, хотя это и тяжело, хотя никто и не упрекнетъ тебя, если ты поступишь иначе. Челоуѣкъ представляетъ себѣ, что онъ можетъ осуществлять иѣсколько возможностей, но въ ряду нихъ одна является ему, какъ та, которую должно осуществить, осуществленіе другой можетъ ему представляться пріятной. Такимъ образомъ, должное не то же, что пріятное. Чувство долга присуще людямъ на всѣхъ извѣстныхъ намъ ступеняхъ культуры, оно можетъ быть очень своеобразнымъ, страннымъ, даже нелѣпнымъ. Дикарь чувствуетъ себя обязаннымъ мстить за убитаго родственника, хотя бы онъ не любилъ этого родственника и смерть его принесла ему только выгоды (напримѣръ, наслѣдство), между тѣмъ какъ попытки мстить, понятно, должны влечь за собой непріятности и опасности, но онъ *долженъ* мстить, и онъ или повинуется этому сознанію долга или испытываетъ угрызения совѣсти. Спорили и спорятъ о происхожденіи чувства долга, но во всякомъ случаѣ пока несомнѣнно, что тѣ, кто отрицаютъ его сверхъестественное происхожденіе, не дали для него разумнаго естественнаго объясненія. Жаль только, что мыслители, пытавшіеся давать подобныя объясненія, не понимаютъ даже трудности предпринятой ими задачи. Никто не объяснилъ происхожденія ощущенія краснаго цвѣта. Что бы ни говорили намъ о специфическихъ нервахъ, о эфирныхъ волнахъ опредѣленной длины (81 миллионныхъ сантиметра), мы понимаемъ, что эти нервы и волны нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ представленіе красноты, и что для возникновенія послѣдняго нужно еще нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ матерія нервовъ и проблематическое вещество эфира. Представленіе краснаго цвѣта можетъ явиться у меня во снѣ, когда глаза мои закрыты и на мои специфическіе нервы не

дѣйствуютъ никакія специфическія волны. Какъ не объяснено происхожденіе ощущеній вообще, такъ не объяснено происхожденіе основныхъ типовъ ощущеній—основныхъ цвѣтовъ, звуковъ, вкусовъ, все равно какъ въ химіи не объяснено происхожденіе элементовъ. Такъ, не объяснено происхожденіе чувства или сознанія долга. Говорятъ, что чувство обязанности дѣлать или не дѣлать что-либо выработалось изъ представленія награды или наказанія за такое дѣланіе, но тѣ, кто это говоритъ, служатъ лучшимъ опроверженіемъ этой теоріи: награды и наказанія, о которыхъ говоритъ религія, не привлекаютъ и не страшатъ ихъ,—единственное, что удерживаетъ ихъ на стезѣ порядочности, это чувство долга, сознаніе обязанности исполнять требованія нравственнаго закона, для происхожденія котораго они придумываютъ нелѣпыя объясненія. Они не хотятъ понять, что не выяснено происхожденіе пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій, и что представленіе ожидающихъ въ будущемъ пріятныхъ или непріятныхъ чувствованій и чувство долга такъ же не переводимо одно въ другое, какъ непереводимы ощущенія краснаго цвѣта въ соленый вкусъ. Представленія вкусовыя могутъ связываться съ представленіемъ звуковъ, но за всѣмъ тѣмъ звуки не сводимы къ цвѣтамъ, а цвѣты ко вкусамъ. Такъ и предписанія долга, которыя еще Сократомъ названы *νόμοι ἄγραφοι* (въ Гиппій Платона), являются предъ нами какъ фактъ, въ своей сущности совершенно необъясненный.

Но если происхожденіе идеи долга трудно объяснить, за то богатое содержаніе этой идеи можно выяснитъ съ достаточною опредѣленностью. У человѣка есть представленіе, что есть какой-то идеальный порядокъ, который долженъ быть осуществленъ, что не все равно законно и дозволительно, что въ своей жизни онъ долженъ выполнить нѣчто опредѣленное, положенное не имъ, но вложенное въ него и внушенное ему. У человѣка есть идея, что по отношенію къ природѣ, животнымъ и другимъ людямъ у него имѣются не только права, но и обязанности. Содержаніе этихъ обязанностей люди различныхъ націй, странъ и культуръ представляютъ различно, однако и въ содержаніи ихъ мыслится много общихъ чертъ. Вездѣ человѣку предписывается заботиться не только о себѣ, но и о другихъ. Можно даже пойти далѣе и сказать, что вездѣ предписывается о другихъ заботиться болѣе, чѣмъ о себѣ. Пусть изъ ряда этихъ другихъ выбирается что-либо особенное и исключительное (отечество, племя, родъ, какія-либо святыни), но всетаки вездѣ мы видимъ, что для человѣка отыскивается нѣчто, чему онъ долженъ служить, внѣ его самого. Рядомъ съ представленіемъ о томъ, что должно исполнять обязанности, въ душѣ человѣка живетъ сознаніе, что за исполненіе ихъ человѣка ожидаетъ

возмездіе. Обычай родовой мести указываетъ, что человѣку присуще сознание, что въ извѣстныхъ случаяхъ онъ самъ необходимо долженъ являться орудіемъ возмездія. Возмездіе должно возстановлять нарушенный порядокъ. Возстановленіе совершается черезъ наказаніе того, кто нарушилъ установленное.

Отвлекаясь отъ обсужденія частныхъ формъ быта и частныхъ представленій объ обязанностяхъ, мы получимъ, что слѣдующія начала управляютъ человѣческой жизнью.

1) Необходимость природная. Окружающая природа и природа самого человѣка дѣлаютъ для него необходимымъ одно, невозможнымъ другое, нужнымъ третье. Человѣку необходимы пища, питье, сонъ; для человѣка невозможно собственными усилиями вырвать деревья и передвигать горы, человѣку бываютъ нужны одежда, жилище. Утомленіе заставляетъ человѣка искать отдыха во снѣ, непогода—прятаться въ убѣжищѣ.

2) Преданіе, обычай, наслѣдственныя формы жизни. Они рѣшаютъ за человѣка, какъ и что ему нужно дѣлать. Они представляютъ собою конденсированный опытъ вѣковъ, наслѣдство, которое можетъ до *minimum*'а, сократить сферу самодѣтельности человѣка. Значеніе этого наслѣдства понято историками, но его рѣдко понимаютъ философы. Когда хотять во всемъ усумниться, чтобы дойти до достовѣрной истины, когда хотять вывести все существующее изъ мысли самой себя мыслящей, или утвердить всѣ взгляды и убѣжденія на научномъ основаніи, тогда обыкновенно вмѣстѣ съ мыслящей себя мыслью или чѣмъ-либо инымъ вводятъ въ систему безмѣрное количество традиционныхъ понятій, взглядовъ убѣжденій, не замѣчая, что они принимаются, какъ сами собой данныя, какъ бесспорныя и непререкаемыя истины. Между тѣмъ какъ многія изъ нихъ бесспорны и непререкаемы только въ данномъ мѣстѣ и въ данное время. Когда человѣкъ говоритъ: я порвалъ съ моимъ прошлымъ, онъ всегда говоритъ неправду. Съ прошлымъ порвать нельзя. Можно перемѣнять государство, религію, занятія, можно стать лучше или хуже, но, не говоря о томъ, что нельзя перемѣнить своей природы, нельзя всецѣло и перевоспитать себя. Перевоспитаніе—вообще представляющее собою страшную трудность—можетъ направляться на отдѣльныя привычки, на отдѣльныя стороны характера, но никогда не можетъ обнять всего человѣка. Затѣмъ и перевоспитаніе можетъ идти успѣшно подъ воздѣйствіемъ примѣра, среды, т. е. здѣсь происходитъ смѣна одной традиціи другой, подражанію одному заступаетъ мѣсто подражаніе другому. Физическая природа и воздѣйствіе духовной среды опредѣляютъ человѣка; бываетъ, что природа заставляетъ измѣнять или приспособлять къ себѣ

требованіи обычая, но окружающая природа, все равно какъ и обычай, не измѣняется мгновенно, а въ нѣкоторой мѣрѣ и человѣкъ можетъ не только приспособиться къ природѣ, но и приспособлять ее къ себѣ.

3) Личныя влеченія, наклонности человѣка. Содержание ихъ, конечно, вырастаетъ и развивается на той почвѣ, на которой живетъ человѣкъ, но они обыкновенно направляются дальше того, что дано и извѣстно человѣку.

4) Наконецъ, долгъ. Онъ является въ видѣ повелителя, приказывающаго дѣйствовать или вопреки влеченіямъ или согласно съ ними. Его можно не слушаться, но съ нимъ нельзя спорить: его требованія представляются безусловно справедливыми и обязательными.

Размышляя объ этихъ началахъ, на которыхъ строится человѣческая жизнь, мы легко можемъ увидѣть, что они опираются на нѣкоторыя предположенія, которыя можетъ быть нельзя доказать, трудно выяснитъ, но въ которыя человѣкъ необходимо долженъ вѣрить. Таковы предположенія существованія свободы и Провидѣнія.

Свобода. Человѣкъ признаетъ, что онъ свободенъ, т.-е. что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ можетъ рѣшиться поступить, какъ ему угодно, и что онъ можетъ употребить всѣ имѣющіяся у него силы для достиженія избраннаго имъ результата. Эта увѣренность человѣка въ своей свободѣ вытекаетъ изъ признанія, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возможенъ не одинъ, а нѣсколько способовъ дѣйствія. Вотъ—исторія міра дошла до настоящаго момента. На вопросъ: слѣдующій моментъ этой исторіи исполнѣ ли опредѣленъ предшествующимъ или нѣтъ? Непосредственное сознаніе человѣка отвѣчаетъ: нѣтъ; эта исторія опредѣлится еще нашими рѣшеніями, характеръ которыхъ не стоитъ въ безусловной зависимости отъ предшествующей міровой исторіи. Человѣкъ считаетъ, что онъ находится въ двойственномъ отношеніи къ міру: во 1) и главнымъ образомъ онъ стоитъ въ зависимости отъ міра, онъ подчиненъ законамъ физической необходимости и вообще воздѣйствіямъ среды; во 2) онъ самъ можетъ воздѣйствовать на міръ и онъ даже считаетъ себя обязаннымъ воздѣйствовать на него возвышающимъ образомъ, въ стихійную жизнь природы онъ хочетъ вложить разумное начало, человѣкъ чувствуетъ себя нравственно свободнымъ; въ вѣкоторомъ отношеніи властелиномъ и вождемъ природы. Человѣкъ есть часть—все равно хотя и очень малая—міра. Часть можетъ быть связана съ цѣлымъ двоякимъ образомъ: она можетъ стоять съ цѣлымъ или въ безусловной или въ относительной зависимости. Представимъ себѣ литой металлическій шаръ; положеніе каждой его части опредѣляется съ безусловной точностію ес-

общимъ положеніемъ. Если мы выберемъ на этомъ шарѣ три какія угодно точки (только не лежація на одной прямой линіи), то перемѣщеніе этихъ трехъ точекъ вполнѣ и безусловно точно опредѣлитъ перемѣщеніе и положеніе какой угодно части шара. Здѣсь часть безусловно соединена съ цѣлымъ. Но отношеніе части къ цѣлому можетъ быть инымъ. Представимъ себѣ, что къ большому шару мы прикрѣпили при помощи шнура въ четверть дюймовъ еще маленькій шарикъ. Такихъ маленькихъ шариковъ можно прикрѣпить много къ поверхности большого, вмѣстѣ съ большимъ они составляютъ одно новое цѣлое, но ихъ связь съ цѣлымъ не будетъ безусловною. Если мы сообщимъ движеніе центральному большому шару, маленькіе послѣдуютъ за нимъ, но, участвуя въ движеніи съ нимъ, они могутъ еще совершать различныя движенія въ сферахъ, радіусами которыхъ являются ихъ шнуры прикрѣпленія. Ихъ движенія въ этихъ сферахъ производятся силами независящими отъ центральнаго шара. Такъ хотя судьба маленькихъ шаровъ опредѣляется судьбою большаго, хотя они находятся въ громадной зависимости отъ нихъ, однако они имѣютъ и относительную свободу, и эта свобода такова, что нѣкоторымъ—хотя и весьма слабымъ образомъ—они сами могутъ воздѣйствовать на шаръ центральный. Въ такомъ отношеніи, въ какомъ находится маленькій шарикъ къ большому, мыслить себя человекъ къ міру. Но есть здѣсь и нѣкоторая разница. Движенія маленькаго шарика независимы отъ большаго шара производятся какою-либо силою находящейся внѣ шарика (вѣтромъ, тяжестью, рукою), для своихъ самостоятельныхъ движеній послѣднюю причину человекъ полагаетъ въ самомъ себѣ.

Человекъ непосредственно чувствуетъ и сознаетъ себя свободнымъ, поэтому ученіе о человѣческой свободѣ имѣетъ чисто опытное происхожденіе. Конечно, не путемъ отвлеченныхъ и философскихъ соображеній древній египтянинъ и современный дикарь пришли къ признанію своей отвѣтственности за свои дѣянія. Напротивъ, философская мысль очень рано стала склонять человека къ заключенію, что его представленіе о своей свободѣ только жалкая и обманчивая иллюзія. Философскій анализъ дѣйствительности далъ тотъ первый выводъ, что дѣйствительность не такова, какою кажется: приложенный къ человеку, этотъ анализъ привелъ къ выводу, что и человекъ не то, чѣмъ онъ себя считаетъ. Человеку кажется, что онъ самъ свободно рѣшилъ отправиться въ далекія страны учиться мудрости, на самомъ дѣлѣ, говорятъ, тысячи неувидимыхъ воздѣйствій съ необходимостію привели его къ этому рѣшенію. Таково разсужденіе детерминизма—ученія отрицающаго свободу человека. То обстоятельство, что детерминизмъ предполагаетъ неувидимыя воздѣйствія, ясно пока-

зываетъ, что детерминизмъ не опытнаго, а теоретическаго происхожденія. Единственнымъ основаніемъ его въ дѣйствительности является то, что люди руководятся очень плохю теоріею причинности. Теорія эта такова. Все въ мірѣ совершается по механическимъ законамъ необходимости. Теорія эта необходима человѣку для того, чтобы онъ могъ дѣйствовать свободно. Человѣкъ соображающій, какія послѣдствія произведутъ тѣ или другія его дѣйствія, понятно, предполагаетъ, что все кромѣ того, что онъ имѣетъ совершить по своему рѣшенію, произойдетъ съ необходимостію. Отсюда философія легко подсказывала мысль, что и въ немъ дѣйствуетъ та же необходимость, какую онъ предполагаетъ во внѣшнемъ мірѣ. Человѣкъ легко усваиваетъ взглядъ на дѣйствительность, какъ на потокъ явленій, начало котораго скрывается гдѣ-то тамъ въ недостигаемой безконечности, отсюда каждый предметъ, каждое существо, самого себя онъ начинаетъ разсматривать какъ что-то срединное, промежуточное, что то вполне опредѣляемое предшествующимъ, просто явленіе, само по себѣ не имѣющее значенія, промежуточное звено между прошедшимъ и будущимъ. Но все это легко и удобно только въ теоріи, гдѣ можно игнорировать требованія дѣйствительности, обходить трудности вопроса и формальными рѣшеніями и бессознательными софизмами прикрывать ложь своего взгляда. На самомъ дѣлѣ, еслибы причинность была необходимою, то въ мірѣ было бы только продолженіе, но не было бы развитія. И прогрессъ и регрессъ въ мірѣ предполагаютъ, что въ причинности заключается свобода. Человѣкъ собственно и мыслить причину, какъ свободную силу. Мы не говоримъ и не мыслимъ, что причина существованія стола въ настоящее мгновеніе есть существованіе его въ мгновеніе предшествующее, между тѣмъ, еслибы причинность была необходимою, то тогда всегда существовало бы одно и то же, но мы не ищемъ причины стараго, мы ищемъ причины новаго, причины возникновенія того, что не существовало прежде. Причинность, какъ необходимость, не допускаетъ ни приращенія, ни узавленія; но въ мірѣ постоянно наблюдаются явленія того и другого характера. Вотъ почему подъ причиною въ собственномъ смыслѣ позволительно мыслить силу той или иной напряженности, которая можетъ свободно располагать собою въ томъ или другомъ пространствѣ, въ то или иное время. Я могу поднять три пуда, вотъ—моя сила, я не могу поднять болѣе, но я могу свободно распредѣлять эту силу—поднимать тяжесть въ различныхъ мѣстахъ различными частями и въ различное время. Противники свободы воли не хотятъ замѣтить, что въ ихъ ученіи о необходимости много и непонятнаго и необоснованнаго. Самое понятіе о необходимости въ приложеніи къ духу тре